

Цзи Чаоань непрерывно кивал, а затем снова спросил:

— Господин Гун говорил, что Приказ Спросить Себя берет свое начало из учений двенадцати великих магов Куньлуня. Если говорить о двенадцати великих магах, то самым известным, пожалуй, было предание о том, как они вместе с Хуан-ди подавили мятеж в Тяньюане.

Господин Гун снова бросил щепотку рыбьего корма, медленно кивнул и произнес:

— Что ж, книжки ты почитывал. Впрочем, все эти байки и дикие истории — так, почитал для забавы, доверять им нельзя.

Цзи Чаоань смиренно выслушал наставление и продолжил:

— По слухам, двенадцать великих магов совместными усилиями потратили несколько лет на создание двух проклятий. Одно называется Оной Убийства Души и служит для уничтожения душ, а другое — Оной Увядающей Весны, что подрывает основы судьбы. Интересно, если эти два проклятия дожили до сегодняшнего дня, найдется ли от них способ исцеления?

Лицо господина Гуна потемнело. Он прекратил движение, помолчал мгновение, а затем с силой грохнул фарфоровую чашу о стоящий рядом столик и отчитал:

— Ах ты паршивец, завел такую долгую беседу только ради того, чтобы выведать об этом? И откуда же ты наслушался подобных вещей?

Цзи Чаоань никак не ожидал столь бурной реакции господина Гуна. Он на мгновение растерялся и тихо произнес:

— Я... я просто из любопытства...

Выражение лица господина Гуна непрерывно менялось. Он сверлил Цзи Чаоань тяжелым, мрачным и невыразимо сложным взглядом, однако Цзи Чаоань не уловил в нем ни малейшего намерения убить, а потому лишь молча стоял на месте, отвечая наставнику искренним и горячим взглядом.

Господин Гун внезапно усмехнулся, снова взял в руки фарфоровую чашу, зажал пальцами немного рыбьего корма и стал по одному бросать его в пруд.

— Какое совпадение, — произнес он. — Ты обратился по адресу.

Глаза Цзи Чаоань широко распахнулись, и на этот раз он испытал неподдельный шок:

— Учитель... господин Гун знает?!

Господин Гун ответил:

— Я не знаю.

Цзи Чаоань не успел испытать разочарования, как старик продолжил:

— Зато старик знает, кто знает.

Не дожидаясь ответа от Цзи Чаоаня, старик мрачно добавил:

— Вот только этот человек уже мертв.

Глядя на хмурящегося мальчика, старый господин Гун улыбнулся так, что все его лицо покрылось морщинами.

— Была у меня знакомая. Она — потомок двенадцати великих магов, в совершенстве владела искусством наложения и снятия проклятий, а прожила жизнь честно и открыто. Но под старость совершила ошибку.

Мутные старые глаза господина Гуна были прикованы к ряби на водной глади. Волны расходились кругами, подобно растревоженным мыслям, и в лучах солнца в глазах старика мерцал свет.

Цзи Чаоань не произнес ни слова, лишь стоял рядом, терпеливо ожидая продолжения.

Опомнившись, господин Гун дрожащими руками поднялся на ноги. Опрокинув в воду весь оставшийся в чаше рыбий корм, он продолжил:

— Пятнадцать лет назад она... в помутнении рассудка приняла огромную сумму денег и наложила два проклятия: одно — Ону Убийства Души, другое — Ону Увядающей Весны. На ни в чем не повинного младенца она наложила запечатывающее запретное проклятие, которое в древности использовали лишь для кары величайших злодеев.

Менее чем через три дня после наложения проклятия ее убили в собственном доме. Убийца до сих пор не найден.

Господин Гун в мгновение ока словно постарел на пятьдесят лет. Чаша выскользнула из его рук и упала на дно пруда, но он все еще держал правую руку на весу, словно пытаясь коснуться чего-то абсолютно недостижимого в пустом воздухе, и тихо произнес:

— Фамилия ее Сюэ, а личное имя — Сюэ Юйтан. В миру ее уважительно величали матушкой Сюэ. Род ведьм увял, она осталась совсем одна и не имела близких родственников. Однако втайне у нее была дочь по имени Сюэ Цин.

Об этом мало кто знал. После убийства матушки Сюэ Сюэ Цин исчезла без следа. Если она еще жива, в этом году ей как раз исполнилось бы тридцать лет.

Цзи Чаоань мысленно запечатлел услышанное и снова спросил:

— Раз у нее была дочь, значит, у этой дочери должен быть и отец?

Господин Гун тихо усмехнулся. Его мутный взгляд блуждал, не находя опоры, и он тихо промолвил:

— Кровь ведьм передается по женской линии, а кто был ее отцом — не имеет никакого значения.

Цзи Чаоань сказал:

— Выходит, и отец не знает о местонахождении той Сюэ... сестрицы Сюэ?

Господин Гун ответил:

— Отец не имеет значения, и он, разумеется, не знает, где его дочь. Только так она в безопасности.

Но потом он добавил:

— И все же, если в этом мире еще остался кто-то, кто знает, как взломать печати Оны Убийства Души и Оны Увядающей Весны, так это только госпожа Сюэ Цин.

Цзи Чаоань больше не стал расспрашивать. Он глубоко поклонился господину Гуну и только после этого откланялся и ушел.

Старый господин обессиленно опустился на колени у края пруда и беззвучно зарыдал в голос.

Цзи Чаоань не оглядывался.

Хотя двенадцать великих магов Куньлуня ведали жертвенными заклинаниями людей, духов, призраков, демонов и чудовищ, все они происходили из людей, а потому Сюэ Юйтан, будучи их потомком, скорее всего, тоже была человеком.

Даже если и не человеком, то полудухом — порождением союза людей и духов.

Сюэ Цин была дочерью Сюэ Юйтан и господина Гуна, а значит, тоже являлась полудухом.

В подлунном мире случаются же такие совпадения: стоило Цзи Чаоаню навести справки, как он сразу вышел на человека, связанного с тем самым наложением проклятия на Гао Хуая.

И пусть остальные ничего не знали, сам Цзи Чаоань благодаря счастливой случайности в прошлой жизни владел одной важной вестью.

Полудухи повсеместно — будь то в Семи Путих или в Четырех Королевствах — терпели презрение и влачили жалкое существование, а потому стихийно сбивались в кучки и тайком селились в одном уездном городке.

Этот городок звался Дунчжэнь.

Если Сюэ Цин бежала и ей некуда было податься, после долгих странствий она в конце концов наверняка осела в Дунчжэне.

Только вот...

Шаги Цзи Чаоаня становились все быстрее, а сердце колотилось как безумное.

Он прекрасно помнил: в его прошлой жизни все это должно было случиться в ближайшие несколько лет. Население Дунчжэня, насчитывавшее более десяти тысяч человек, заперли в стенах города и вырезали до последнего.

Необходимо найти Сюэ Цин до того, как это произойдет.

Малыш Гао Хуай: Мама извела из-за меня все нервы. Всплакнул.jpg

В Государстве Юй всюду промышляют бессовестные торговцы.

Возвращаясь домой, Цзи Чаоань намеренно сделал крюк и заглянул в Зал Цюнсан, чтобы купить две низкосортные Бессмертные Морковки.

Страна Цюнсан была легендарной древней страной Юйминь, где каждый житель практиковал бессмертие и обладал исполинской силой. Эта торговая палата, названная в честь Цюнсана, продавала исключительно товары, насыщенные духовной энергией и полезные для совершенствования.

Бессмертная Морковь же была самым дешевым видом духовных злаков и овощей: духовной ци в ней содержалось совсем чуть-чуть. И тем не менее за каждую просили по десять лянов серебра — обычным простолюдинам такое было не по карману.

К счастью, морковки уродились свежими, сочными и крупными — каждая весила больше кролика, так что запаса хватило бы надолго.

Цзи Чаоань собирался сперва подпитывать малыша низкосортными духовными овощами понемногу, чтобы избежать новых срывов.

Женщина-лавочница в Зале Цюнсан вела себя крайне вежливо и обходительно. Она ничуть не изменилась в лице из-за того, что покупатель взял так мало, а лишь приветливо улыбнулась:

— Сегодня у нас по уценке идут Овощи Бессмертных с Северного Моря. Наш хозяин привез их живыми на китовом судне прямиком с Северного Моря, они совсем свежие. На беду, в пути на нас напали Трупные Стервятники и повредили угол защитного массива судна. Судно сильно качало, и у многих Овощей Бессмертных треснули раковины. Долго хранить их нельзя, поэтому мы продаем их со скидкой. Маленькому господину повезло оказаться здесь вовремя, не желаете прихватить парочку?

В Четырех Королевствах царило общее мнение: чем больше в названии предметов слов вроде бессмертный или божественный, тем ниже их ранг. И напротив, высокоранговые духовные сокровища носили самые простые имена: ракушки первого ранга звались Овощами Бессмертных, а духовные водоросли девятого ранга — Белобородами Водорослями. В этом чувствовался некий возврат к истине и простоте.

Так называемые Овощи Бессмертных представляли собой не более чем моллюсков со слабым налетом духовной силы. Польза от них была ровно такой же, как от Бессмертных Морковок, однако стоили они значительно дороже.

Цзи Чаоань уже собирался вежливо отказаться, как вдруг вспомнил, с каким жадным выражением Маленькое Деревце Хуай хитроумно пыталось урвать себе кусок каракатицы из общего котла.

Заметив его колебания, продавщица с улыбкой предложила:

— Маленький господин, не хотите взглянуть? Хоть раковины и повреждены, всю дорогу они хранились в чане с холодным нефритом, свежесть отменная! Всего по два ляна серебра за цзинь, а если возьмете десять цзинь, еще два цзинь в подарок! Считаю, даром отдаю. Если сразу все не съедите, можно высушить и сделать запасы: вкус, конечно, пострадает, зато духовная энергия ни на каплю не улетучится. Где еще сыщешь такую удачу?

Цзи Чаоань промолвил:

— Тогда... тогда взвесьте десять цзинь...

Женщина-лавочница тут же расцвела в улыбке, словно заключила грандиозную сделку. Она поспешно проводила Цзи Чаоаня к прилавку, велела взвесить и упаковать Овощи Бессмертных, а затем отвесила ему легкий поклон со словами:

— Благодарю маленького господина за покупку! Если вам тяжело нести, наша лавка предоставляет доставку: по всему Переулку Хуайшу — бесплатно. А если за пределы Переулка Хуайшу — возьмем самую малость на корм лошадям, в зависимости от расстояния.

Цзи Чаоань сказал:

— Это очень кстати, мой дом как раз в шестом переулке Хуайшу.

Он украдкой окинул продавщицу внимательным взглядом. Это была девушка лет пятнадцати-шестнадцати с пухленьким овальным личиком, в бледно-зеленом узкавее. В ее волосы были вплетены два маленьких розовых жемчужных цветка. Держалась она естественно и непринужденно, улыбка ее была очень милой, но... чем дольше он смотрел, тем сильнее казалось, что лицо ему знакомо.

Пока они расплачивались, он с улыбкой обмолвился:

— Эта сестрица выглядит совершенно незнакомой, однако торговое мастерство у вас просто первоклассное.

Один из приказчиков за прилавком рассмеялся и вставил слово:

— Это наша старшая барышня! Родная младшая сестра хозяина, умение торговать у нее в крови.

Девушка сжала губы в улыбке и произнесла:

— Не смущайте гостя.

Цзи Чаоань заметил:

— Вот оно что, семейное ремесло. Мое почтение, позвольте узнать ваше имя, сестрица?

Девушка бросила на него укоризненный взгляд и ответила:

— Если бы не твои детские годы... подобные расспросы выглядели бы чересчур вольно.

Цзи Чаоань застенчиво улыбнулся и опустил голову, принося извинения. Уроженцы Государства Юй до крайности извратили человеческие обычаи: у них были невероятно строгие правила вроде того, что мальчикам и девочкам с семи лет не положено сидеть на циновках рядом, а чужакам — знать имена незамужних девиц. Цзи Чаоань же просто воспользовался своей внешностью десятилетнего ребенка, чтобы вести себя несколько наглее обычного.

И все же девушка назвала свое имя:

— Моя фамилия Сюй, а личное имя — Лань, а моего брата зовут Сюй Пинань. Встреча — это тоже судьба. Если маленький господин заглянет к нам снова, просто назовите имя моего брата, и в Зале Цюнсан вам всегда сделают самую большую скидку.

Цзи Чаоань глубоко вздохнул, стараясь мысленно унять воспоминания о прошлом, из-за чего его лицо невольно застыло в оцепенении.

Заметив, что собеседник молчит, да к тому же странно изменился в лице, Сюй Лань тоже не смогла скрыть изумления.

Тогда Цзи Чаоань произнес:

— Моя фамилия Цзи, полное имя — Цзи Чаоань, а граф Чэнъи... приходится старшим кузеном моему отцу.

Сюй Лань слегка опешила, но тут же залилась краской от смущения и выпалила:

— Идем со мной.

Она схватила Цзи Чаоаня за запястье и, не обращая внимания на изумленные взгляды приказчиков, потащила мальчика прочь из передней залы в пустую комнату, где со стуком захлопнула дверь.

Цзи Чаоань позволил ей тащить себя за руку и с невозмутимым видом наблюдал, как она с опаской наглухо закрывает окна и двери. В этот момент его сердце наполнилось самыми противоречивыми чувствами.

Убедившись, что вокруг никого нет, Сюй Лань резко обернулась и присела на корточки перед Цзи Чаоанем. В ее глазах читалась настороженность, и она тихо спросила:

— Что тебе известно?

Цзи Чаоань мягко улыбнулся:

— Не так уж много, я просто подслушал разговор отца с матерью. Он говорил, что раз старший и второй кузены одобряют это, а девица из семьи Сюй и кузен Чаои любят друг друга, то свадьба уже решена.

От прежней невозмутимости и солидности Сюй Лань не осталось и следа. Она закрыла лицо руками и опустила голову, зарывшись носом в колени, но пылающие уши выдавали ее с головой.

Цзи Чаоаню было забавно на это смотреть. Трудно было представить, что эта изнуренная невзгодами, черствая, строгая и жесткая женщина некогда знала столь трепетные девичьи мечты.

Он не удержался и мягко погладил девушку по голове, ласково произведя на свет вопрос:

— В особняке графа Чэнъи много народу, я и сам путаюсь. Каким по счету сыном приходится кузен Чаои, и как мне следует тебя называть — кузина номер сколько?

Приглушенный голос девушки донесся из-за заслонявших лицо рук:

— Третья.

Сдерживая улыбку, Цзи Чаоань сложил руки в приветственном жесте и произнес:

— Чаоань приветствует третью кузину.

Сюй Лань подняла голову и сердито посмотрела на него. Ее лицо все еще пылало, а глаза от этого казались еще ярче. Посмотрев на него так пару мгновений, она вдруг прыснула со смеху:

— Надо же, у Чаои нашелся такой пронырливый младший кузен.

Цзи Чаоань сказал:

— Третья кузина, раз уж мы теперь одна семья, не сделаешь ли братишке скидку в следующий раз?

Сюй Лань широко распахнула глаза:

— Ни за что! Родня родней, а торговля отдельно.

Цзи Чаоань жалобно посмотрел на нее.

Девушке пришлось достать из рукава нефритовую подвеску. Овальный нефрит был наполовину красным, наполовину зеленым, причем цвета переходили друг в друга от природы: на зеленой части вырезали самца дикого гуся, а на красной — самку. Птицы обвивали друг друга шеями, а работа резчика отличалась исключительной тонкостью и живостью.

Она протянула нефрит Цзи Чаоаню и мягко сказала:

— Это герб нашего рода Сюй. Береги его. Если понадобятся деньги или люди, просто покажи эту подвеску управляющему в любом Зале Цюнсан.

Цзи Чаоань расплылся в улыбке, с радостью спрятал подвеску и сладко позвал:

— Спасибо, третья кузина!

На том обе стороны, довольные друг другом и с сияющими улыбками, распрощались.

Однако стоило им повернуться спиной, как улыбки мгновенно исчезли с лиц обоих.

Старый управляющий филиалом Зала Цюнсан в Переулке Хуайшу шел позади Сюй Лань и тихо спросил:

— Барышня, вы впервые видите этого ребенка, почему же вы отдали ему даже Нефритовую Подвеску с Узором Диких Гусей?

Сюй Лань потерла жемчужную сережку на мочке уха и вздохнула:

— Я знаю, кто он. Кузен Чаои несколько раз упоминал о нем: он сын хозяина Книжной лавки Юнчэн.

Старый управляющий изумился:

— Тот самый, из-за которого случилась смута с книгами...

Сюй Лань тихо кивнула, и ее глаза слегка покраснели:

— Хотя я, как и он, лишилась родителей в раннем детстве, меня оберегал брат, и горя я не ведала. У него же нет никого, а характер к тому же упрямый. Кузен Чаои хотел помочь, но он гордо отказался признавать родственников. Как ему жить с таким нравом... Раз он позволил мне помочь, я сделаю все возможное.

Старый управляющий тоже вздохнул:

— Сжалится ли небо, а наша барышня до чего же добра.

Цзи Чаоань меж тем сидел в карете, прикрыв глаза в полудреме, а в его мыслях снова вставал образ Сюй Лань из прошлой жизни.

В прошлые дни он видел ее всего лишь раз. Тогда она казалась худой и истощенной, и никакие роскошные драгоценности не могли скрыть старости на ее лице. Хотя годами она была на добрый десяток лет младше королевы Фань, рядом с той она выглядела скорее ее матерью.

Она проклинала клан Фань за жестокие и бесчеловечные методы, а после покончила с собой в огне.

Тот день был праздником по случаю месяца со дня рождения десятого принца, которого королева Фань родила сама. Королева придавала этому событию исключительное значение, но Сюй Лань разрушила все до основания, едва не доведя ее до тяжелой болезни.

Цзи Чаоань тихо выдохнул скопившуюся в груди тяжесть и потер точку между бровей.

В прошлой жизни Сюй Лань так и не вышла замуж за своего друга детства Цзи Чаои.

Оба брата по крови были гениями торговли и владели целой сетью торговых палат, среди которых Зал Цюнсан был лишь одной из многих. Позднее, сочтя слово цюн некрасивым, королева Фань переименовала ее в Башню Утун.

Сюй Пинань оберегал сестру изо всех сил, но погиб слишком рано.

После его смерти все огромное состояние перешло в руки семерых — точнее, сестры, что привлекло жадные взоры множества влиятельных сил.

Граф Чэнъи был слишком слаб и не смог защитить ее. Мать Цзи Чаои за спиной сына отменила помолвку, после чего Сюй Лань силой выдали наложницей за двоюродного племянника по линии королевы Фань, а всё имущество отошло клану Фань.

Клан Фань и без того возглавлял кланы Уцзю, обладая безграничной властью — даже Фэн Ми-ван был лишь марионеткой в их руках. После этого их высокомерие и вовсе перешло все границы. И если бы не внезапное появление Гао Хуая, ворвавшегося в Луоцзин, кто знает, не оказались бы старший, третий и шестой принцы в конце концов растоптанными десятым принцем.

Цзи Чаои был старшим сыном второго кузена Цзи Шу. В особняке графа Чэнъи он оказался одним из немногих, кто хорошо относился к Цзи Чаоаню. Только вот Цзи Чаоань тогда лишился родового гнезда, подвергался непрерывным нападкам со стороны шайки Цзи Чаонин, ходил весь оцетинившись, никому не верил и с Цзи Чаои близок не был.

Теперь же, вспоминая прошлое, он понимал, что тот кузен вел себя сдержанно, ко всем относился по-доброму и был поистине благородным мужем. Прежний его нрав был мягким, и лишь узнав об отмене помолвки матерью, он проявил жесткость, буквально заставив мать пойти на попятную.

С тех пор он так и не женился до конца своих дней.

А Сюй Лань... с которой они встретились впервые, сразу отдала ему вещь, позволявшую распоряжаться частью богатств и людей дома Сюй. И пусть даже она была щедра к родственникам, это выходило за рамки здравого смысла — скорее всего, она знала о его положении от Цзи Чаои, а потому и захотела протянуть руку помощи.

Цзи Чаоань невольно усмехнулся.

Легко добавить цветов на парчу, куда труднее подарить уголек в снегопад. Нынешнее душевное состояние Цзи Чаоаня было совсем иным, и он был готов принять их благодеяние.

Эти двое глупых, без памяти влюбленных друг в друга людей пылали одинаково чистыми сердцами, и они действительно идеально подходили друг другу.

Он легко провел пальцем по нефритовой подвеске, разглядывая вырезанных диких гусей.

Говорили, что предки рода Сюй происходили от зеленых гусей — самых преданных в поднебесном мире бессмертных птиц, которые выбирают пару на всю жизнь, не расставаясь ни на миг и умирая в один день.

И вот таких птиц насильно разлучили с парами, выдав замуж за чужаков.

Пока Сюй Лань была жива, она ни на день не прекращала борьбу — иначе откуда у простой наложницы купца взялся бы шанс явиться во дворец на пир?

А гневный обличительный крик Сюй Лань перед смертью прозвучал уже после гибели Цзи Чаои.

Цзи Чаоань крепко сжал подвеску в ладони, принимая окончательное решение.

Изначально он не собирался втягивать в это дело тех, кто был знаком с ним в прошлой жизни — будь то союзники или враги, пусть каждый ищет свой собственный путь, ему до них дела не было.

Ему требовалось лишь должным образом устроить Маленькое Деревце Хуай, отчитаться перед родителями, а затем тихо-мирно зажить хозяином книжной лавки, избегая штормов и бурь,

набираясь сил.

Однако его кузен с кузиной, пожалуй, после того, как он их втянет, как раз и получают шанс избежать грядущей великой беды.

Раз так...

Значит, втянем.

1-Если бы Цзи Чаоань смотрел стримы с распродажами, он бы уже разорил все кредитки.

2-Гао Хуай заявляет, что богатств четырех королевств с лихвой хватит на любые покупки императрицы.

3-Маленькое Деревце Хуай заливается слезами: «Хочу мясо, а не морковку!»

4-Сюй Лань говорит: «Как же паршиво, что в прошлой жизни мне не посчастливилось ухватиться за столь мощного покровителя!»

5-Суп из моллюсков с зимней тыквой — это вкусно. =- =

Сбалансированное питание.

Карета остановилась у ворот заднего двора. Приказчик выгрузил двенадцать бумажных свертков прямо у входа. Поблагодарив его и дождавшись, пока повозка отъедет подальше, Цзи Чаоань в три захода самостоятельно перетащил поклажу во внутренний двор.

Малыш Деревце Хуай, чья сила лекарства исчерпала себя, снова принял облик кролика. Почуввав доносившийся из свертков запах морепродуктов, он подергал ушками и выпрыгнул из окна.

Цзи Чаоань только успел сказать:

— Погоди, это еще не...

Как не договорив, Маленькое Деревце Хуай прыгнуло прямо на бумажный сверток, зубами порвало обертку, вцепило зубами зелено-черную устрицу, с хрустом разгрызло ее и, издав еще несколько хрустящих звуков, проглотило целиком вместе с раковиной и мясом, тотчас нацелившись на следующую.

Поспешно захлопнув калитку, Цзи Чаоань подскочил к кролику, схватил его за уши и

обнаружил, что весь он перепачкан осколками устричных раковин. Вися в воздухе, зверек продолжал жевать кусок мяса, быстро шевеля трехраздельным ротиком, в мгновение ока умял добычу и тут же недовольно засучил лапами, взвизгнув:

— Сви-и!

Цзи Чаоань с каменным лицом выговорил:

— Я тут из-за тебя последние дни бился из сил, помощи от тебя никакой, одни хлопоты! Разве я когда-нибудь морил тебя голодом? Почему стоило тебе учуять мясо, как ты начисто потерял рассудок?

Малыш Деревце Хуай пискнул:

— Сви-сви-сви-сви!

Нахмурившись, Цзи Чаоань возразил:

— Поедать сырое мясо — это дикость. Ты ведь вроде как тоже принадлежишь к духам, как можно опускаться до уровня скота? Куда ты спешишь? Купленная на уйму денег духовная пища все равно вся твоя. Если ты еще раз разбросаешь осколки по всему двору, я отдам все Сяо Мане и А Линю.

В глазах Маленького Деревца Хуай чуть не вспыхнули искры гнева, а его крошечные передние лапки замахали в воздухе так быстро, что остался лишь размытый след. Цзи Чаоань поспешно прижал его к груди и пригладил пушистую спинку:

— Все твое, все твое, я же пошутил, никому не отдам.

Легонько похлопывая серго кролика по спине, он покачал его на руках, словно укачивая младенца, и невольно усмехнулся:

— Во сне мне и впрямь не доводилось видеть, как ты вот так капризничаешь...

Малыш Деревце Хуай уткнулся носом в грудь Цзи Чаоаня и вновь гневно пискнул:

— Сви!

Цзи Чаоань принялся объяснять ему причину, по которой он узнал настоящее имя — Гао Хуай: все это целиком и полностью было навеяно сном.

<http://bllate.org/book/21199/2145921>